

Дебют Евгения Леонтьева в роли Василия Теркина в одноименном спектакле на сцене Государственного Русского драматического театра им. Горького отличался прежде всего неожиданностью режиссерского выбора: худенький, невысокого роста Леонтьев — и Теркин? Неожиданностью трактовки: Теркин трагедийный, почти что без своего победоносного омара, без великолепного «здорового смысла».

В спектакле главный режиссер Борис Луценко задался целью пересмотреть «хрестоматийную» трактовку поэмы, показать ее как оптимистическую трагедию. Увлеченный такой трактовкой, он, к сожалению, вытравил кое-где из спектакля и текста инсценировки не только «хрестоматийный» глянец, но и высокий фольклорный дух. Но это отнюдь не значит, что в нем нет своих, незаурядных достоинств. И не только чисто зрелищных, постановочных. Спектакль оказался глубоко современным рассказом о том, как юноша, почти мальчишка, становится в войну солдатом, Теркиным.

В первой же сцене — переправе — уже само появление Е. Леонтьева вызывает сложный художественный эффект. Изначально комический: этот солдатик в трусиках нелеп и

смешон. Дальше сцена разворачивается как озорной и забавный аттракцион. Но чем больше нагромождаются трюки, тем сильнее поражают внезапное ощущение отчаянной нежности и этому мальчику, такому беспомощному, так неуверенно-героически преодолевшему свой страх уже после того, как совершил подвиг, один переживавшийся под фашистским огнем через рену и своим.

Весь спектакль строится из ряд последовательных ступеней становления человека и одновременно осознания его необходимости людям.

Вы помните? Солдаты тянут связь. Падает снаряд. Вот-вот он может разорваться... Страшно. Все прыгают в укрытие. Теркин — на землю, обхватывает голову руками и, наверное, думает про себя: «Маяю...». Леонтьев — актер пластичный, и поза его здесь вопиет о поминности перед судьбой. Но происходит это задевшее мгновение, и Теркин заставляет себя приподняться, а точнее — поднять в себе человека, поднять его навстречу опасности, навстречу араву. Без этого эпизода, пожалуй, не был бы так логичен и необходимым еще один — из самых впечатляющих в спектакле. Теркин, оставшийся в одиночестве, попадает под обстрел нашей артиллерии. Недоумение, ярость,

удивление, ошеломление сменяются отчаянием, а отчаяние — заклиниванием: «Что ж ты, Тула, тут же свой боец мнишь... Тула, Тула, это ж я... Тула, родина моя!..» В эти мгновения, заметим, леонтьевским Теркиным владеет не страх перед смертью, не животная покорность перед судьбой, а осознание вдруг по-новому и в то же время истари естественное, как дыхание, чувство поминной неразделанности со своей страной, народом. Так завершается главная ступень становления Человека в этом юноше.

Еще раз напомним: эта роль — дебют Евгения Леонтьева сразу же после окончания Белорусского театрально-художественного института и службы в рядах Советской Армии. Работа над ролью дала актеру столько — и как художнику, и как человеку, — сколько не могли бы дать даже несколько лет «поэтапного» созрания и «нормальной» работы молодого актера в театре. И в первую очередь «ответственность» за это несет режиссер, смело пошедший на эксперимент.

Евгений Леонтьев не единст-

венное открытие Б. И. Луценко. За неполные три сезона, которые он работает главным режиссером театра, ему удалось создать актерский коллектив немалых потенциальных возможностей. В состав труппы вошли В. Филатов, В. Филатов, В. Шушкович, В. Солодилов, Л. Зайцева, А. Ткаченко, А. Джалаева. Молодежь сейчас составляет более половины труппы театра и активно занята во всех новых и больших спектаклях. Молодыми актерами создан целый ряд интересных работ, которые во многом предопределили все возрастающий успех театра у зрителей. Это Малкольм («Макбет» Шекспира) Шушковича, Белый Рыцарь («Алиса в стране чудес» по Кероллу) Солодилова, Фил («Трезгровская опера» Брехта) Кормунина, Мартирио («Дом Бернарды Альбы» Лорки) Пастравича и многие другие. Особо следует сказать о В. Филатове и А. Ткаченко.

Талант В. Филатова, обративший на себя внимание зрителей еще в выпускных спектаклях Белорусского государственного театрально-художественного института, а затем в Бобруйском драмтеатре, по-настоящему раскрылся именно за эти три сезона в Минске. За небольшой срок актер создал блестящий дивертисмент работ. Первыми были Сумасшедший Шарманщик и Рыбный Деликатес в «Алисе» Л. Керолла: дерзкие, потешные и эксцентричные до печального удивления образы-фантазмагории. Старый скряга Жеронт из «Единственного наследника» Ж. Реняра, в котором актер открыл — другого слова здесь не подберешь — мнительную, ментальную, иступленную тягу к любви, к человеческому доверию, и бескорыстную отношений между людьми. Образ, где буффонада органически переходит в трагедию, а та — в горечь прозрения человека, который всю жизнь обманы-

вался и которого всегда обманывали. Обуховский в «Часе пика» Е. Сталинского, в котором актер увидел трагедию жизни, съеденной завистью; силы, которая вся направлена лишь на возмещение всех действительных и мнимых обид, и одиночества, порожденного только самим Обуховским.

Две последние работы Филатова — водопроводчик («Похожий на льва» Р. Ибрагимбекова) и шеф полиции Браун («Трезгровская опера» Брехта) — тоже интересные образцы социального и человеческого анализа, трагедийности содержания и комедийности формы. Филатова отличает зрелое мастерство, сложность и неожиданная — до парадокса — точность психологического «видения» и неиссякаемая жизнестойкость на сцене.

Дебют выпускника нашего театрально-художественного института Александра Ткаченко на сцене Государственного Русского драматического теат-

ра имени М. Горького состоялся совсем недавно. Это — Пичем в «Трезгровской опере». В труднейшей (и благодарнейшей) для актеров пьесе образ Пичема — самый трудный и сложный. Именно он в исполнении молодого актера стал душой спектакля, поставленного Б. Луценко. В его Пичеме — «добропорядочный» бизнесмен, императором нищих, отцом семейства, пройдохой, интриганом и т. д. открываются и тут же «прячутся», чтобы вновь проявиться и снова исчезнуть: неутомимый изобретатель сюжетов и ситуаций, для которого «весь мир — театр»; потенциальный бунтарь, не только способный, но даже, порой, и готовый к восстанию против мира, в котором живет и процветает. Но сокровища ума, фантазии, находчивости и вдохновения обращения этим человеком (и обществом, которому он, в конце концов, не за страх, а за деньги служит) на то, что-